

ОТЗЫВ

официального оппонента – доктора исторических наук, профессора Скорика Александра Павловича на диссертацию Яхутля Юрия Асланбиевича на тему: «Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921–1929 гг. (на примере Кубани и Дона)», представленную на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02. – «Отечественная история»

В эпистемологической ситуации «парадигмального дрейфа» от неклассической парадигмы в сторону неоклассической – с одной стороны, и постнеклассической – с другой, злободневный в современной историографии период нэпа находит всё новые и новые исторические интерпретации, и рецензируемая нами докторская диссертация Ю.А. Яхутля стоит именно в этом инновационном ряду. **Актуальная для отечественной историографии диссертационная работа** в полной мере отвечает «вызовам современности» с точки зрения региональной хронотопической привязки, сфер взаимодействия ключевых социальных групп крестьянства и казачества с властью, сочетания обширности и локальности изучаемого исторического пространства казачье-крестьянских поселений Кубани и Дона, аграрной нэповской трансформации социально-экономических отношений. Тщательно проработанная исследовательская платформа актуализируется в теоретико-методологическом плане, ибо историописание нэпа невозможно без обращения к концептуализированной истории, что собственно и осуществляет в диссертации Ю.А. Яхутль. Эта платформа достаточно фундирована в конкретно-историческом отношении, поэтому обеспечивает для диссертанта создание актуальной системной картины региональных процессов, происходивших в сельскохозяйственном производстве Кубани и Дона в годы нэпа. Немаловажным моментом является отсутствие в рецензируемой докторской диссертации посттекстуального вакуума, обусловленное позицией соискателя в отношении современных преобразований российской деревни, в которых Ю.А. Яхутль последовательно находит и тщательно обосновывает исторические отголоски нэпа, придавая своему исследованию тематическую практическую направленность. Тем самым, сюжетологический аспект выбора автором научной проблемы для докторского диссертационного исследования не вызывает никаких сомнений, ибо позволяет исследователю максимально проникать в глубины исторического процесса и делать развёрнутые теоретические обобщения и выводы научно-квалификационного характера.

Диссертант сосредотачивает внимание на формах социального взаимодействия трёх важнейших акторов общественного развития в исторических

регионах Кубани и Дона в условиях противоречивой темпоральности нэпа, и при этом для автора вполне актуальным сюжетом выступает антропология российской повседневности. По большому счёту, для соискателя существуют две стороны в общественной целостности: персоны (группы) действия в региональной аграрной сфере и институализированные персоны (группы) социального конструирования, осуществляющие управление аграрным сектором. Они-то и показаны на четырёх анализируемых исторических полях: нэповской аграрной экономики, социальной дифференциации и социокультурной трансформации, становления системы местного управления, конфликтологического противостояния управляющих и управляемых. Отсюда следует логическое структурное деление диссертационного исследования на пять глав, где первая глава носит вводный, методологический характер, а четыре других главы посвящены описанию обозначенных исторических полей, где соискатель на региональном историческом материале ищет (и находит!) ответы на ключевые вопросы: о степени общественного доверия хлебобобов действующей власти, об адекватности применяемых ею методов управления, о пластичности советской политической системы в деревне, о восприимчивости традиционной культурой советских инноваций. Целенаправленно, обоснованно, с фактами в руках Ю.А. Яхутль раскрывает глубокий социальный конфликт традиционных (казачье-крестьянских) и инновационных (советско-большевистских) ценностей, столкновение аграрно-консервативной и леворадикальной, жизненной и политически мотивированной философии.

Автором убедительно обоснованы хронологические (с. 7–9) и территориальные рамки (географические границы) исследования (с. 9–11), чётко сформулированы его объект и предмет (с. 11). После прочтения диссертационного текста у нас не осталось критических сомнений в правомерности предложенной соискателем общей компоновки эмпирического материала, позволившей ему успешно решить намеченные задачи (с. 11–12) и прийти к завершённой реализации закономерно поставленной цели (с. 11).

Степень обоснованности научных положений докторской диссертации Ю.А. Яхутля подтверждается значительным репрезентативным выбором, систематизацией, анализом и оценкой историографии, представленной в первом параграфе «Периодизация и содержание историографии взаимоотношений власти и крестьянства России в условиях новой экономической политики 1920-х гг.» в рамках первой главы работы. Соискатель не ограничивается выделением этапов историографии проблемы; он формулирует четыре ключевых критерия периодизации, хотя почему-то не даёт названий отдельным этапам, но предложенную их характеристику можно считать исчерпы-

вающей. Диссертант проанализировал большое количество научных работ отечественных и зарубежных (и особенно эмигрантских) исследователей, посвящённых различным аспектам осуществления нэпа. Это свидетельствует о фундированности подходов автора к осмыслению заявленной к изучению проблематики. Полагаем, что вполне справедливо Ю.А. Яхутль подчёркивает наличествующий в современной историографии «повышенный интерес обществоведов к теоретическим проблемам, изменению методологических подходов к изучению истории, расширению источниковой базы и новому прочтению источников, качественную переоценку ключевых исторических событий» (с. 58). Диссертант придерживается позиции, выраженной в потребности и необходимости «разрабатывать теории среднего уровня и соотносить результаты своих поисков с уже разработанными теориями» (с. 58), что даёт ему надёжную опору при интерпретации исторических источников.

Достоверность научных положений и выводов докторской диссертации Ю.А. Яхутля подтверждается квалифицированным применением в исследовании современных методологий и методик исторической науки. В своих методологических суждениях диссертант не отменяет с порога марксистскую парадигму и даёт ей взвешенную оценку, заявляет о своей приверженности историческим принципам объективности и историзма, выбирает мультипарадигмальную стратегию исследования, предполагающую синтез ряда методологий и методов. Наиболее востребованными подходами, с точки зрения автора, являются формационный и цивилизационный, коммуникативный, теория модернизации, «новая локальная история» (с. 64), которые Ю.А. Яхутль анализирует с позиций их адаптации к исторической эпохе нэпа. В диссертации применяются следующие методы: системный, генетический, сравнительный, типологический и структурно-функциональный. Для решения конкретных задач используются конфликтологический подход и метод социальной стратификации в рамках историко-социологической интерпретации социальной структуры нэповского общества.

В теоретико-методологических суждениях автора следует обратить внимание на ряд принципиальных выводов. Соискатель оценивает нэп как своеобразный модернизационный период в истории Советской России (с. 68), но, вместе с тем, «нэп был связан с постепенным ужесточением внутривластного режима как следствие поиска оптимальных путей модернизации экономики, приведшего к формированию централизованного и военизированного партийно-государственного бюрократического аппарата» (с. 71). А «несформированность единой национальной, объединяющей идеи не позволяла эволюционировать нэпу, так как государство и крестьянство в 1920-х гг.

выступали по отношению друг другу разнонаправленно в принципиальных вопросах» (с. 74). Иначе говоря, именно отсутствие социального компромисса и погубило нэп, а вместе с ним и социально-экономическое разнообразие перспективных аграрных преобразований.

Конкретно-историческую основу диссертационного исследования обеспечивают **привлекаемые соискателем источники**. В работе осмыслены документы и материалы, извлечённые из 97 фондов 3 центральных, 5 региональных и 3 муниципальных архивохранилищ. В общей сложности использовано более 400 архивных дел. Это свидетельствует об обстоятельности творческой лаборатории диссертанта. Можно согласиться с выводом автора, что «новый массив документов, вовлечённый в научный оборот, позволяет получить дополнительную объективную информацию о социально-экономических и политических процессах на Юге России в период нэпа, в работе с которыми следует учитывать особую модель коммуникаций, сложившуюся в советском обществе в 1920-х гг.» (с. 94). Вместе с тем, мы бы поделили используемые источники не на три группы (как это делает в своей докторской диссертации Ю.А. Яхутль), а на восемь групп: 1) законодательные источники (Конституция РСФСР 1918 г., декреты Совнаркома, постановления съездов Советов, Земельный кодекс 1922 г. и пр.); 2) постановления и резолюции высших органов Коммунистической партии и партийных съездов; 3) стенограммы и протоколы заседаний съездов компартии и партийных органов (Центрального комитета Коммунистической партии, губернских, областных, краевых, районных партийных комитетов); 4) документы государственных органов РСФСР и СССР и региональных административных структур, в том числе, курировавших аграрную сферу и жизнь деревни (ВЦИК, исполкомов разных уровней, Наркомата земледелия, краевых, областных, районных земельных управлений и отделов и т.д.); 5) произведения партийных и государственных деятелей; 6) статистические источники; 7) периодические издания; 8) эпистолярные источники, а также свидетельства, воспоминания и мемуары современников; 9) художественная литература 1920-х гг. В принципе диссертант к этому и приходит, но изначальный посыл у него направлен почему-то на сокращение групп используемых источников.

Логическая структура диссертационного исследования, помимо стандартных для научно-квалификационной работы введения и заключения, включает пять глав, первая из которых носит теоретико-методологический характер, и выше проанализирована нами. Поэтому продолжим отзыв обращением к сюжетам второй главы «Развитие аграрного сектора экономики Кубани и Дона в 1920-е гг. в контексте большевистской модернизации Юга

России». В тексте показано безумие продразвёрстки на Кубани и Дону, раскрывается процесс перехода к продналогу, указывается промежуточная форма «единый продовольственный наряд» и определяется её конкретно-историческое содержание. При этом, может быть, стоило автору сразу прояснить сущностное значение большевистской формулы «казак-помещик» (с. 98), а не откладывать его на более далёкую перспективу (с. 149). Вывод же Ю.А. Яхутля о преобладании военно-коммунистических практик продразвёрстки (с. 107) считаем обоснованным и вытекающим из анализа конкретно-исторического материала. Местные большевики позже признают допущенные стратегические и тактические ошибки в оценке товарности середняцкого и бедняцкого хозяйства. В сфере налогообложения принципиальным новшеством стал принятый в январе 1928 г. закон о самообложении, в соответствии с которым сходы сами определяли, сколько платят те или иные дворы в плане самообложения. Однако правоприменительная практика закона так и не сложилась, ибо уже в ходе хлебозаготовительной кампании 1928 г. усиливается административный нажим, отчасти имевший антиказачью направленность. Население на это ответило самораскулачиванием и семейными разделами, позволявшими снизить налоговое бремя. Казаки расценивали начавшиеся в 1928 г. «чрезвычайные хлебозаготовки», как возвращение к политике «расказачивания». Следует признать вывод Ю.А. Яхутля, что «налог в 1928 г. был фактически обращён в развёрстку» (с. 134), вполне обоснованным и справедливым. Альтернативой административным мерам могли стать контрактационные договора, но этого так и не произошло. Ноябрьский пленум (1929 г.) ЦК ВКП(б) фактически подвёл черту в осуществлении нэповских мероприятий в аграрном секторе. Итоговые выводы соискателя, что «с отходом от чрезвычайной продовольственной политики эпохи продразвёрстки власть не отказалась от жёсткого регулирования продовольственного рынка и военных методов взимания налога» (с. 137), что «классовая политика в реализации продовольственной политики, проходившая в форме постоянных реквизиций, не могла способствовать формированию социального диалога между хлеборобами и властью», и теперь «роль государства в развитии сельского хозяйства становилась доминирующей, замещая кулака и зажиточных хозяев» (с. 138), логически вытекают из обобщённого им материала.

Анализируя земельные отношения в рамках аграрных реформ и «мягкого расказачивания», Ю.А. Яхутль отмечает, что «довольно мало крестьянскую массу волновали и правовые аспекты владения (собственность или пользование). Важно лишь то, чтобы получить (крестьянство) либо же сохранить (казачество) землю в реальном пользовании» (с. 142). Большевики ис-

пользовали землеустройство как инструмент своей аграрной политики, но в начале 1920-х гг. оно по большей мере коснулось земель социально враждебных социальных групп, наделения землёй безземельных категорий крестьянства и организации коллективных хозяйств. Тем самым, «старые формы трудового хозяйствования оказались почти не затронутыми» (с. 147). Другим инструментом аграрной политики в начале 1920-х гг. выступала деятельность посевкомов (посевных комитетов), но она в рецензируемом тексте раскрыта недостаточно (имеются лишь два кратких упоминания на с. 149, 178), остался не объяснённым механизм их властного воздействия. Центральным звеном аграрной политики явилось принятие Земельного кодекса РСФСР (1922 г.), обозначившего, по мнению диссертанта, тенденцию к уравнительному землеустройству, причём, в результате образовывались, прежде всего, новые земельные общества, хутора и отруба, нежели коллективные хозяйства. В этой связи правомерен вывод соискателя о формировании своеобразного двоевластия в деревне (с. 155, 162). Только здесь, видимо, стоило чётче пояснить, что в одном случае речь шла о собрании граждан, выбиравших местный орган власти в лице совета депутатов, который при всей своей кратической институционализации и законных полномочиях в земельных делах оказывался ограниченным земельным обществом, собранием (сходом) владельцев земельных участков, стремившихся не допустить наделения землёй новых претендентов, вопреки действовавшему законодательству.

Соискатель справедливо отмечает ключевую роль политики «лицом к деревне» (апрель 1925 г.), подтолкнувшей решение земельного вопроса, хотя околопоселенческая концентрация земель, дальнотемелье и чересполосица по-прежнему осложняли поземельные отношения. Однако мысль о латентном «нетрудовом» землевладении (с. 163) Ю.А. Яхутль почему-то развивать не стал, хотя проблема «моральной коррупции» для деревни 1920-х гг. весьма актуальна. Вместе с тем, обоснованным можно считать вывод об «осередничивании» деревни «и сохранении важного значения наиболее зажиточной части» (с. 168). «Курс на социализацию, уравнительность, поддержку беднейших хозяйств восторжествовал», – подчёркивает диссертант (с. 170). Но медленное продвижение к довоенному уровню аграрного производства подстегнуло власти к радикальному пересмотру политики землеустройства в 1927–1928 гг., связанному с переходом к коллективизации. Правовым источником её развёртывания выступил Закон СССР «Общие начала землепользования и землеустройства» от 15 декабря 1928 г. «На его основе, а чаще всего и вне всякого правового поля, – верно отмечает Ю.А. Яхутль, – в 1928–1929 гг. и развернулась массовая, а затем и «сплошная» коллективизация» (с. 172).

В диссертации (с. 174–209) детально изучается потенциал индивидуальных казачье-крестьянских хозяйств Кубани и Дона, процесс их восстановления после Гражданской войны, поиск большевиками инструментов влияния на эти ключевые аграрно-экономические институты, прежде всего, в плане увеличения производства продовольствия и возможностей кооперирования. К сожалению, вне поля зрения автора остался такой примечательный инструмент как агробазы. Вместе с тем, нельзя не признать правомерным вывод соискателя об устойчивости «индивидуального характера крестьянско-казачьих хозяйств, предпочитавших производственные кооперативы с низким уровнем обобществления» (с. 199). Следует также признать обоснованными суждения диссертанта о крестьянских комитетах общественной взаимопомощи (ККОВАх), ставших стартовой площадкой коллективных форм хозяйственной деятельности на начальном этапе нэпа, как на Кубани, так и Дону. Но говоря о создании «очагов социалистического земледелия», Ю.А. Яхутль не упомянул об уникальном опыте функционирования колхозно-кооперативных машинно-тракторных станций, одна из которых действовала в Армавирском округе уже в 1928 г. Заметим, южно-российские хлеборобы задолго до коллективизации осознавали и использовали преимущества сложных сельскохозяйственных машин в аграрном производстве, в частности, трактора «Фордзон» (с. 381). Развитая культура земледелия сформировалась именно в индивидуальных казачье-крестьянских хозяйствах Кубани и Дона, а не в созданных колхозах. Политика покровительства бедноте при экономическом давлении на середняка и зажиточных хозяев уничтожала эту культуру земледелия, выступающую в процессе исторического познания когнитивно-дискурсивной универсалией аграрного производства. Как обоснованно заключает Ю.А. Яхутль в выводах по второй главе, «политические ограничения по отношению к экономически активной массе хлеборобов не позволяли использовать потенциал нэпа, провоцируя середняка и зажиточных хлеборобов на свёртывание активной производственной деятельности» (с. 209).

Анализ основных социально-стратификационных процессов на Кубани и Дону в 1920-е гг. (с. 210–254) в третьей главе «Трансформации социальной структуры и социально-культурная сфера станиц Кубани и Дона в 1920-е гг.» позволил диссертанту сформулировать ряд важных обобщений и выводов, которые мы поддерживаем и считаем обоснованными, скажем, о существовавшей дихотомии «свой–чужой» (с. 222–225), являвшейся маркером социальных коммуникаций деревни эпохи нэпа. Но соискатель по большей мере сосредоточился на сословных противоречиях, преодолении сословных перегородок, раскрывая, в том числе, особенности политики большевиков «лицом

к казачеству». Также отметим, что большевики не сразу пришли к жёсткой социально-имущественной стратификации «бедняк–средняк–кулак», ставшей официальной только лишь к концу 1920-х гг. Мы категорически не согласны с позицией Ю.А. Яхутля, утверждающего (с. 221) изначальность такого подхода правящей партии и ограничивающего тем самым историческое пространство смыслогенеза социально-стратификационных процессов в реалиях нэпа. Полагаем гораздо более правомерной по отношению к 1920-м гг. деятельностно-структурную шестислойную классификацию социального расслоения крестьянства и казачества (батраки, бедняки, маломощные середняки, середняки, зажиточные середняки, кулаки). Отмеченные социально-имущественные группы фиксируются в исторических источниках, в том числе в архивных документах, особенно, когда начинаешь разбираться с судьбами отдельных казаков и крестьян. Скажем, в собственноручно заполненной анкете в 1929 г. (ЦХАД ШРО (Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области). Ф. Р-754. Оп. 1. Д. 32. Л. 31, 31об) казак донского хутора Земцов Боковской станицы П.И. Утишев о социальном происхождении пишет так: «крестьянин (казак)», о национальности однозначно отмечает – «русский», а о своих родителях тут же сообщает: «Крестьяне-хлеборобы до революции и после революции, занимаются земледелием, по расслоению м-средняки» (то есть маломощные середняки). Это подтверждается для П.И. Утишева соответствующей справкой из местного сельсовета. Примечательно, что в тексте диссертации (с. 233) сам соискатель приводит весьма характерный пример социально-имущественной дифференциации в станице Ново-Александровской Лабинского (Армавирского) отдела Кубано-Черноморской области начала 1920-х гг.: бедняцкие хозяйства, середняцкие хозяйства, зажиточные хозяйства, кулацкие хозяйства, то есть фиксирует четыре (а не три!) группы казачье-крестьянских хозяйств. И далее Ю.А. Яхутль пишет о пристальном внимании правящей партии и советской власти к батракам, их социальном и правовом статусе (с. 244–246). Завершая свой анализ основных социально-стратификационных процессов, диссертант правомерно резюмирует: «Традиционная сословная конфликтность, в конечном счёте, уступила здесь ведущее место социально-классовым противоречиям. В конечном счёте, на новом уровне, это вылилось в переход донского и кубанского социумов к упрощённой социальной дихотомии «своих» и «чужих» – социально однородного колхозного крестьянства и частника» (с. 254).

Соискателю удалось представить широкую палитру изменений в социокультурном облике станицы и крестьянско-казачьей повседневности Юга России под влиянием политики РКП(б)–ВКП(б) в течение 1920-х гг. (с. 254–

298). По существу Ю.А. Яхутль провёл кросскультурное исследование с привлечением большого массива исторического материала. Можно спорить, насколько полно им раскрыты те или иные сюжеты и продемонстрирована авторская поликультурная компетентность, но в тексте есть главное – репрезентация сельской культуры и повседневности эпохи нэпа на Кубани и Дону в период нэпа. Удачным следует признать анализ многообразной большевистской практики применения политического концепта гендерного режима к сельскому социуму переходного типа (с. 258, 261–263, 293–295).

Коллективный портрет регионального и местного отрядов большевистской партии нэповского периода представлен в первом параграфе четвёртой главы «Формирование системы партийно-советских органов в сельских районах Кубани и Дона в 1920-е гг.», где Ю.А. Яхутль рассматривает организационно-кадровый потенциал партийных структур и выясняет их роль в трансформации казачье-крестьянского социума. Диссертант последовательно проводит мысль о склонности формирующихся региональной и особенно местной (низовой) партийной номенклатуры к военно-коммунистическим методам руководства. В результате выкристаллизовывается образ сельского коммуниста как человека совершенно чуждого деревне, по крайней мере, такой личностью предстаёт большевик, по мысли соискателя, в общественном сознании подавляющей массы крестьянства, которое воспринимает коммунистов в качестве генерируемого советским государством управленческого сословия («носители власти»; с. 324). Большое место в диссертационном тексте отводится поиску путей пополнения партийных сил в деревне, политическому «новостроечному буму», в частности, Ю.А. Яхутль пишет о функционировании в изучаемых регионах совпартшкол как самого массового источника комплектования большевистских кадров на низовом уровне партийной работы (с. 313–317). Однако не получил развития в диссертации сюжет о так называемом «хозяйственном обрастании» сельских коммунистов (с. 322). В тексте много места отводится партийным мобилизациям, жизнеспособности ревкомов, переброскам коммунистов, внутренней дифференциации партийцев, социальному составу сельских большевиков, итогам чистки местного партийного аппарата, и пр. Так, по сведениям соискателя, до 80 % хлеборобов Кубани в 1923–1924 гг. исключили из партии по сословным признакам (с. 321). Несмотря на оказываемое давление «сверху», городские коммунисты не желали ехать на работу в деревню, а сельские большевики вели упорную борьбу за местные должности (с. 320). Всё это не придавало авторитета правящей партии в общественном сознании деревни, отчего вовсе не случайно в контрреволюционной листовке звучал призыв: «Да здравствует советская

власть, смерть бумажным коммунистам» (с. 340). Чрезвычайно низким оставался количественный уровень казаков в составе партийных организаций, а предпринимавшиеся на Дону попытки «оказачивания» партийных ячеек особого успеха не принесли (с. 337). По состоянию на июль 1928 г. в составе Северо-Кавказской краевой парторганизации состояло лишь 3042 казака (3,7%) при численности казачества в регионе 2,3 млн. человек. Подводя итоги рассмотрения коллизийного нарратива внутрипартийного строительства, Ю.А. Яхутль правомерно резюмирует: «1920-е гг. представляли собой сложный и противоречивый этап закрепления всевластия РКП(б)–ВКП(б) в деревне, время создания партийно-государственной системы управления на основе фактического слияния функций правящей большевистской партии и государства» (с. 341). Тут бы добавить типажи партийцев, но, увы, не получилось.

В отдельный исторический сюжет соискатель закономерно выделил пристальное лорнирование особенностей советизации южно-российских станиц в период нэпа, процесса большевизации местных советов и раскрытие вопросов противостояния казачества насильственной смене традиционных форм станичного самоуправления (с. 343–387). Тем самым, Ю.А. Яхутль не только мотивированно ставит, но и последовательно разрешает историческую проблему институционального становления новых для нэповской деревни органов власти. Ситуация «малой» Гражданской войны не способствовала функционированию советов в качестве демократических органов местной власти на Кубани и Дону. Нередко на станичном уровне большевики возвращались в начале 1920-х гг. к ревкомовским практикам как более эффективным системам управления в конкретной ситуации закрепления своей власти на территории «непокорённого Юга России», что наблюдалось даже в 1922 г. (с. 347, 348). Дислоцированные в исследуемых регионах части РККА в немалом числе делегировали в городские и станичные советы депутатов своих представителей и обеспечивали «надёжный противовес казачеству» (с. 346). Коренное же население демонстрировало, по сведениям соискателя, значительный абсентеизм на проходивших выборах в местные органы власти, доходивший до порога 15–20 % явки на выборы (с. 348; и даже до 7,4 %, с. 354). Одновременно, по замечанию диссертанта, «всё большее значение приобретало, с одной стороны, по существу «аппаратное» формирование исполнительных органов Советов как на окружном и отдельском, так и на волостном уровне, а с другой – обеспечение массированного агитационно-пропагандистского проведения избирательных кампаний» (с. 351–352). Это, в частности, приводило к обострению внутренней аппаратной борьбы в исполкомах советов за ответственные должности, поскольку «в 1922 г. партийные

структуры ещё не закрепили за собой в полной мере безусловное лидерство на местном уровне» (с. 354). Более того, аргументированно констатирует Ю.А. Яхутль, наблюдалось «массовое стремление партийных работников, тогда ещё получавших весьма скромное жалование, к переходу на значительно более «сытную» советскую и хозяйственную работу» (с. 354).

«Советизация станиц Кубани и Дона, – как обоснованно резюмирует соискатель, – определяла политические перспективы местных партийных организаций и эффективность формирующейся новой политической системы» (с. 358). Так, в Краснодарском отделе в 1923 г. «типичным совработником стал русский демобилизованный красноармеец» (с. 361), что являлось отражением сложившейся большевистской практики регламентации и формализации избирательных кампаний в советы, обеспечивавших заранее заданные результаты выборов. Тем не менее, с конца 1924 г. в изучаемых регионах наблюдается самая масштабная попытка смягчения репрессивных практик советского строя под лозунгом «лицом к деревне» («лицом к казачеству»), рассматриваемая профессором КубГУ А.В. Барановым как «расширение» нэпа и как возможность заключения политического союза с казачеством. Солидаризируясь с этой позицией, Ю.А. Яхутль подчёркивает: «В рамках территориальной реформы приоритет отдавался хозяйственным и организационным задачам районирования: повышению управляемости населения, борьбе с бюрократизмом и непроизводительными расходами» (с. 363). По его личному мнению, «создание в октябре 1924 г. Северо-Кавказского края, обладающего выборной иерархией Советов, способствовало интеграции и политической лояльности казачества и крестьянства» (с. 363). Казаки инициативно пошли в советы, и уже в 1925 г. на Дону представительство казачества в них увеличилось с 29,7 % (1924 г.) до 37,6 % при возросшей их избирательной активности с 28 % до 43 % (с. 369). Так обозначилась тенденция «оживления» деятельности советов, ставшая на непродолжительный период (1924–1926 гг.) политической линией правящей партии большевиков. «Хлеборобы Юга России проявили политическую активность, признали значимость Советов как властных структур, продвигая в них компетентных людей» – делает вывод Ю.А. Яхутль (с. 374), солидаризируясь в оценке ситуации с Е.В. Бородавкиной. Вместе с тем, правомерно констатирует соискатель, «итоги выборов 1926 г. не оставляли сомнений у местных партийно-советских работников в наличии скрытого сопротивления казачества» (с. 377). И далее обоснованно заключает: «Большевикам явно не хватило умения принимать компромиссные решения, что привело в конце 1926 г. к свёртыванию курса «лицом к деревне» (с. 379). Действительно, правящая партия, к сожалению, оказалась не

способна освоить кроссплатформенность политического взаимодействия с казачеством и крестьянством Кубани и Дона, что в принципе могло быть достижимым на низовом уровне властных взаимоотношений и подтверждается реальным политическим раскладом 1925–1926 гг.

Ключевым результатом рассмотрения процесса институционализации советов в диссертации становится авторская периодизация политической деятельности органов местной власти. На основе анализа соотношения тенденций народоправства и диктатуры, традиций и реформаторства Ю.А. Яхутль аргументированно выделяет для Кубани и Дона и характеризует четыре хронологических этапа развития системы власти и управления (с. 386).

Исторический концепт антибольшевистского фронта Ю.А. Яхутль достаточно плодотворно, на наш взгляд, реализует в пятой главе «Спротивление казаков и крестьян Кубани и Дона процессам большевизации» (с. 388–467), когда незримая, но ментально осязаемая граница пролегла между социальными силами, преследовавшими различные политические и экономические интересы. С одной стороны, казаки и крестьяне чрезвычайно ценили свои хозяйства, ставили их благополучие во главу угла всей жизни и проявляли готовность защищать эти базисные жизненные ценности даже с оружием в руках. С другой стороны, большевики, пришедшие на Дон и Кубань в буквальном смысле на штыках РККА, образно говоря, рванулись со своим уставом в калашный ряд, хотя признаем, что на первых порах они ещё как-то оглядывались при навязывании сельскому социуму «российской разновидности практик леворадикального марксизма» (с. 389).

В отличие от Центральной России, с мая 1918 г. по январь 1920 г. – на Дону, с сентября 1918 г. до марта 1920 г. – на Кубани существовали антибольшевистские режимы с относительной экономической стабильностью на контролируемых территориях (с. 392), поэтому правящей партии предстояло осуществить большевизацию разрушенных Гражданской войной регионов, о чём соискатель обстоятельно повествует в первом параграфе пятой главы (с. 388–423), опираясь на генерализующие постулаты «новой локальной истории». При этом диссертант обозначает три принципиальные для него историографические трактовки «военного коммунизма» – традиционалистскую, плюралистическую и нонконформистскую (с. 389). Но он не выражает своей приверженности к какой-либо одной интерпретации, а резонно замечает, что «провал политики «военного коммунизма» большевики осознали далеко не сразу» (с. 391), хотя позже его признавал и большевистский лидер В.И. Ленин (с. 390). Контекстуально Ю.А. Яхутль исповедует плюралистическую точку зрения в истолковании политики «военного коммунизма».

Большевизация Кубани и Дона, по обоснованному мнению соискателя, отличалась ставкой вместо «стихийных» советов в 1920 г. на ревкомы, характеризовавшиеся централизованностью и дисциплиной (с. 399). Они, наряду с партийными органами, правомерно отмечает диссертант, являлись основными регуляторами всей общественной и экономической жизни регионов (с. 414). А вот органы милиции, которые первыми сталкивались с недовольством населения, оставались малочисленными и дезорганизованными (с. 415). Экономический аспект большевизации для казачьего Юга России, подчёркивает Ю.А. Яхутль, означал решение в интересах советской власти трёх вопросов: продовольственного, земельного и сословного (с. 401, 403).

Решение продовольственного вопроса заключалось как можно в большей выкачке хлеба для продовольственного снабжения городов. Причём, власть зачастую здесь никакой меры не знала, о чём свидетельствуют приводимые диссертантом многочисленные примеры. Поэтому население далеко не сразу почувствовало (сильно затянувшийся!) переход от продразвёрстки к продналогу и воспринимало объявленное изменение в аграрной политике как уловку политического «режима, который таким способом стремится изъять у крестьян и казаков продовольствие и лишить их остатков собственного имущества» (с. 420). Тем не менее, Ю.А. Яхутль указывает на объективную неизбежность политики «военного коммунизма» (с. 398) и обусловленность военизированных методик управления местных работников (с. 416).

В диссертации с разной степенью детализации исследуются репрессивные практики, применявшиеся властью в процессе большевизации Кубани и Дона, отражавшие коренную сущность «военного коммунизма» в аграрной сфере экономики. Эти репрессивные практики включали: реквизиции хлеба («большевики были «ненасытны»; с. 391), акции по разоружению населения (представляются соискателю вполне оправданными; с. 397), регистрацию потенциально опасных «офицеров-белогвардейцев, пленных и перебежчиков» (с. 397), расстрелы и аресты (с. 397–398), грабежи населения (с. 400), лишение сословных привилегий (с. 400), изъятие денежных знаков и облигаций (с. 401), введение всеобщей трудовой повинности (с. 401), создание трибуналов (с. 402), судебное преследование (с. 402), введение местных налогов (с. 403), изъятие потенциальных «контрреволюционных элементов» (с. 404), отмену выборов (с. 410–411), аресты с последующей организацией принудительных работ в лагерях (с. 413), создание троек, которые имели право выносить решения о применении высшей меры наказания (с. 414), выселение за пределы региона (с. 414), взятие в заложники (с. 415), землеустроительные работы в пользу беднейшей части сельского населения (с. 419), начисление пени за

действительные и мнимые нарушения сроков внесения платежей (с. 421). Изучение спектра методов осуществления «военного коммунизма» указывает на фундированность индивидуальной творческой лаборатории диссертанта.

В политическом плане большевизация Кубани и Дона, по мнению соискателя, означала создание советской властью мощного кратологического противовеса широкой казачьей и крестьянской бело-зелёной оппозиции. В местных советах обеспечивалось преобладание иногородних, а исполкомы формировались в основном из коммунистов. На Кубани в феврале 1921 г. доля иногородних доходила до 78 % (советы), а коммунистов – до 55 % (исполкомы; с. 409). Средствами массовой информации пропагандировалось социальное дистанцирование «трудящихся масс деревни» от кулачества (с. 408). Однако и этого большевикам оказывалось недостаточно: ревкомы считались более надёжными инструментами властного воздействия, поэтому в станицах (например, Кабардинской и др.) воссоздаются вместо советов ревкомы (с. 409). Более того, на Кубани к 1921 г. действовали 65 продотрядов общей численностью 1400 человек, которых поддерживала группировка РККА численностью 12 тыс. красноармейцев. «Количественное увеличение репрессивного аппарата», делает аргументированный вывод Ю.А. Яхутль, стало «отражением триумфа военно-коммунистической политики» (с. 407).

Вместе с тем, по мнению диссертанта, нельзя не замечать в управленческих методиках большевизации Кубани и Дона адекватных ситуации элементов и действий. Скажем, пленных казаков власти распускали по домам, большевики отказались от создания комбедов в казачьих регионах и закрепили это решением Кавказского бюро ЦК РКП(б) от 22 февраля 1921 г. (с. 413). Власти разрешали организовывать явочным путём общества трудовой взаимопомощи, когда создавались временные группы крестьян на добровольной основе на время предстоящих полевых работ, осуществлялось коллективное использование инвентаря, которое вовсе не лишало права собственности правообладателей, а использование малоимущими инвентаря производилось на условиях отработки в пользу его владельца (с. 412).

Аграрная политика большевиков обусловила вооружённый протест казачества и крестьянства Кубани и Дона, особенно в начале 1920-х гг., историописанию которого посвящён второй параграф пятой главы диссертации (с. 424–467). Активный протест казачества и крестьянства соискатель аргументированно рассматривает в качестве фактора регулирования экономической политики и перехода к нэпу на Кубани и Дону, и, с его точки зрения, степень радикализма разворачивавшегося повстанческого движения определялась именно аграрной политикой большевиков (с. 429). В параграфе

наблюдается существенный переко́с в изложении конкретно-исторического материала, поскольку трети четверти его объёма посвящены хронологически исключительно периоду 1920–1921 гг. (с. 425–458). К сожалению, осталась незавершённой обозначенная в конце параграфа периодизация повстанческого движения на Кубани и Дону (с. 467). Тем не менее, обращает на себя внимание большой массив обобщённого диссертантом архивного материала (что свидетельствует о долговременной и весьма кропотливой работе исследователя). Архивные сведения по начальному периоду повстанческого движения, действительно, гораздо более обильны (в чём мы убедились лично), нежели можно встретить какую-либо информацию в отношении повстанческого движения в последующие годы. Региональные большевики неохотно признавали свою несостоятельность в борьбе с повстанческим движением и клеймили уголовный бандитизм, категорически отказываясь признавать в противниках советской власти социальную оппозицию. Так, характеризуя «политическую физиономию казачества» в марте 1925 г., секретарь Царицынского (Сталинградского) губкома РКП(б) Б.П. Шеболдаев отмечает в 1924 г. случаи «бандитизма» в донских станицах Аржановская, Дурновская, Золотовская, Ново-Аннинская, Преображенская и Филоновская Хопёрского округа, но в 1925 г. «вся обстановка станицы», по заключению известного на Юге России партийного функционера, «даёт чувствовать победу «мужикачумазого иногородца» над казачеством» (ЦДНОВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112а. Л. 13, 14). Тем не менее, всё же мелкие «политические банды», по приводимым сведениям Ю.А. Яхутля, фиксировались на Кубани и Дону даже в 1929 г. (с. 466). Соответственно, самостоятельную постановку в диссертации проблемы социального сопротивления казаков и крестьян Кубани и Дона процессам большевизации следует признать вполне правомерной, но здесь ещё остаётся исследовательское поле для дальнейших научных изысканий.

Безусловно, в понимании повстанческого движения («бандитизма» в традиционной советской терминологии) критерий идейной составляющей вряд ли может быть применим в качестве базисного индикатора, и эта позиция соискателя, поддержавшего точку зрения Н.В. Кратовой, выглядит довольно убедительно (с. 429). Впрочем, «характер протестных настроений местного населения» в 1920 г. сам Ю.А. Яхутль всё же определяет «его "демократической", проэсеровской составляющей» (с. 426). Мы же полагаем, что 1920 год в указанных смысловых рамках выступает как пролонгированное гражданское противостояние предшествующего социального конфликта, поскольку тогда учитываются и внешнее воздействие белогвардейских десантов, и возвращение активных участников Гражданской войны в свои ре-

гионы, и вызревающее недовольство местного населения. Но здесь очень важным является вывод диссертанта: «Ошибочно считая протест «белогвардейским» и «контрреволюционным», большевики «не поняли его демократической природы, а потому недооценили его силу» (с. 433). Что касается практики подавления повстанческого движения на Кубани и Дону, то она, по обоснованному заключению соискателя, не имела особых отличий (с. 437).

Активная фаза повстанческого движения приходится на 1921–1922 гг., её в деталях убедительно раскрывает Ю.А. Яхутль, и, проводя поименование данного периода словами соискателя, мы фиксируем «стихийный протест против чрезвычайной политики военно-коммунистической эпохи» (с. 430). Причём, «на острие этого массового, демократического по сути движения нередко находились бывшие сторонники большевиков, среди которых, как доказано, наиболее ярко выделялись донские командиры-орденоносцы» (с. 448). Однако «малая» Гражданская война продолжалась, а потому исторический период 1923–1925 гг. можно обозначить как время относительного умиротворения и отдельных вооружённых выступлений повстанцев, которые привлекали «к себе внимание на самом высоком уровне» (с. 467), а «элементы социального насилия с элементами политической составляющей сохранялись до 1926 г.» (с. 465). Судя по фактам, приводимым диссертантом (с. 455–466), в 1926–1929 гг. продолжали организовываться и действовать на Кубани и Дону мелкие группы повстанцев, хотя социальный протест по большей мере переходил в латентную фазу, но на него вначале повлияла «военная тревога» 1927 г., а затем и развёртывавшаяся коллективизация.

Завершается диссертационный текст обстоятельными выводами (с. 468–483), резюмирующими проведённое исследование.

При всех несомненных научных достоинствах рецензируемое диссертационное исследование Ю.А. Яхутля имеет **определённые недостатки и некоторые спорные положения** (впрочем, как и любая творческая научная работа), которые нами выносятся на публичную защиту соискателя:

1. В источниковедческом анализе диссертант делит все аккумулярованные источники на три разновеликие группы: 1) неопубликованные архивные документы; 2) опубликованные в 1920-х гг., но частично переданные в архивные фонды; 3) опубликованные источники, находящиеся в открытом доступе (с. 79). На наш взгляд, это привело к перекосу научного дискурса в докторской диссертации при рассмотрении групп источников в пользу архивных материалов и документальных свидетельств. Однако нэп как исторический период сильно тяготеет к «живой истории». Поэтому Ю.А. Яхутлю желательно было бы подобрать и интерпретировать эпистолярные источни-

ки, а также свидетельства, воспоминания и мемуары современников, а не ссылаться на сложность их консолидации (с. 90), ведь обнаружил он сборник «Первая борозда» (сост. А.Ф. Чмыга, М.О. Левкович. – М.: Политиздат, 1981. 350 с.). Именно эго-документы содержат превеликое множество свидетельств о бытовых мелочах и исторических деталях, к которым часто практически «равнодушны» отложившиеся в архивах официальные бумаги. Только так можно «услышать» настоящий голос российской провинции, понять пути и формы влияния обыденности на формирование и трансформации житейских бытовых практик, общественных настроений и социальных эмоций крестьянства и казачества. Остаётся сожалеть, что Ю.А. Яхутль практически не обратил внимания на художественную литературу 1920-х гг. В художественной литературе, как правило, исторически достоверно описаны общественные настроения, политико-идеологические и социальные мотивы поступков персонажей, освещены многие детали быта. В годы нэпа творили десятки очень талантливых писателей-деревенщиков, произведения которых отложились, например, в журнале «Красная нива». Не понятно, почему Ю.А. Яхутль прошёл мимо произведений В.П. Ставского, который писал о кубанской станице («Станица», 1928), равно как и работы Н.Ф. Погодина преимущественно о донских казаках («Казаки», 1926). Жаль, что диссертант не исследовал в Государственном архиве Краснодарского края фонд Р-1050 «Коллекция писателя Владимира Петровича Ставского по истории Гражданской войны, коллективизации и социалистическому строительству на Северном Кавказе».

2. Вне поля зрения автора почему-то осталась деятельность «крестьянских союзов» («союзов хлеборобов»), которые при некотором несущественном различии их названий на местах составляли достаточно важную часть общественно-политической жизни южно-российской деревни (Кубани и Дона). Стали бы они в перспективе разновидностью профессиональных союзов, а может быть даже партийной организацией, вопрос сложный, и однозначного ответа на него не существует. А вот определиться с исследовательской позицией диссертанту явно следовало бы, и от Ю.А. Яхутля ожидалось развёрнутое изложение его точки зрения на деятельность «крестьянских союзов» («союзов хлеборобов») с широким использованием региональных конкретно-исторических материалов. В своей монографии Т.В. Панкова-Козочкина показывает «крестьянские союзы» в восприятии населения станиц и сёл Дона, Кубани, Ставрополя и Терека (Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. – Новочеркасск: Лик, 2014. С. 172–213). Очевидно, диссертанту следовало бы высказать и своё отношение к этому факту историографии.

3. К числу не исследованных в диссертации проблем относится функционирование внесистемной социальной группы прозелитов советской власти в лице «красных партизан» (автор ограничился двумя упоминаниями на с. 339 и 443, хотя в Государственном архиве Краснодарского края имеется 16 фондов по делам бывших «красных партизан»: Р-772, Р-773, Р-774, Р-775, Р-776, Р-777, Р-778, Р-779, Р-780, Р-781, Р-782, Р-783, Р-784, Р-1799, Р-1800, Р-1801). Это изначально двойственная по своей природе группа: с одной стороны, борющаяся за советскую власть, а, с другой стороны, нередко занимавшая общественно-политическую позицию явно не согласующуюся с позицией советской власти и политическим курсом партии большевиков. Такая же двойственность присуща социальной группе «репатриантов» («реэмигрантов»), особенно из числа казачества. С одной стороны, эмигрировав в зарубежные страны, они выражали несогласие с победившей в ходе социального противостояния в годы Гражданской войны советской властью и представлявшей её политическое лицо партией большевиков. С другой стороны, «репатрианты» вернулись на свою малую родину, и немалая их часть рассчитывала встроиться в существующую систему общественных отношений. Причём, по количеству «реэмигрантов» большевики определяли политическое отношение казаков к советской власти: «...реэмигрантов по [Пятиизбянской] станице – 45 ч., возвратившихся из-за границы в 1921–22 гг. Эти две станицы: Суворовская и Пятиизбянская являются самым гнездом «контрреволюции» и, пожалуй, не только 2ДО, а всего «Всевеликого Войска Донского» (ЦДНВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112а. Л. 11). Если «красные партизаны» для советской власти и большевиков всё же оставались «своими», то «репатрианты» («реэмигранты») по определению считались ими «чужими». Раскрыть указанную палитру взаимоотношений с обозначенными социальными образованиями следовало бы более детально, но диссертант ограничился упоминанием о присутствии в земельных комиссиях и советах «бывших реэмигрантов» (с. 166).

4. В диссертации фрагментарное освещение получило «культурничество», актуальность исследования которого кратко историографически определена автором (с. 51), но завершённого сюжета в тексте работы так и не получилось изложить. Оно трактуется автором как историческое явление, характерное для периода 1920-х гг. (с. 254, 264, 269, 283, 580), но можно ли «культурников» обозначить в качестве отдельной социальной группы?! Каков набор базовых параметров её исторической идентификации?! Каковы были взаимоотношения власти и «культурников»?! Насколько вписывались «культурники» в известную большевистскую триаду «бедняки–средняки–кулаки»?! Что такое «компромиссный середняк»? (так «культурники» назва-

ны на с. 254, где фигурируют в качестве социальных лидеров середняков). Что собой представляла кампания «культурничества»? (с. 269). Какими хронологическими рамками ограничивается «эпоха культурничества» (с. 286)?! Начало «эпохи культурничества» в определённом ключе в ряде работ из сборника «Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и её задачи» обозначает Л.Д. Троцкий. Насколько с его позицией согласен Ю.А. Яхутль?! Ведь в общей оценке «культурничества» исследователь апеллирует к точке зрения В.А. Бондарева (с. 51). А что же он думает сам?! Эти и другие вопросы о «культурничестве» и «культурниках» так и остались без ответа диссертанта.

5. В той или иной форме Ю.А. Яхутль десятки раз (с. 20, 30, 31, 33, 41 и др.) обращается к рассмотрению политического курса большевиков «лицом к деревне» («лицом к казачеству»). С точки зрения заявленной темы и неоднократного подчёркивания автором его значимости (с. 123, 186, 238 и др.), на наш взгляд, этот политический курс заслуживает отдельного рассмотрения в рамках самостоятельного параграфа, где бы не только раскрывались конкретно-исторические особенности политики «лицом к деревне» («лицом к казачеству»), но и более отчётливо фиксировалась позиция диссертанта по отношению к ключевому сюжету диссертационного исследования.

Отмеченные нами недостатки и спорные положения не влияют на общую положительную оценку диссертации Ю.А. Яхутля, представленной к публичной защите.

Научные результаты диссертационной работы опубликованы в 56 научных изданиях, в том числе **основные научные результаты** – в 23 работах в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК, из них в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные базы данных и системы цитирования (Scopus, Web of Science), – 3 работы. Авторские концептуальные положения диссертационного исследования представлены научному историческому сообществу в двух монографиях. Автореферат диссертации и научные публикации Ю.А. Яхутля в полной мере отражают содержание и выводы диссертационного исследования.

Степень новизны выполненной работы, обоснованность выводов, творческий характер диссертационного сочинения, постановка актуальной научной проблемы, предложенная презентация результатов научного поиска, насыщенный конкретно-историческим материалом текст работы, осмысление обобщённых сведений из разнообразных исторических источников позволяют нам сделать **итоговое положительное заключение**.

Диссертация Ю.А. Яхутля на соискание учёной степени доктора исторических наук является самостоятельной научно-квалификационной работой, и

в ней содержатся теоретические положения об алгоритмах взаимоотношений власти, казачества и крестьянства в период нэпа в исторических регионах Кубани и Дона, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, а, соответственно, на основании выполненных автором исследований решена научная проблема определения базисных форм взаимодействия трёх изучаемых социальных контрагентов и создана динамическая многомерная модель эволюции форм взаимоотношений власти и сельского населения Кубани и Дона в 1920-е гг., что имеет важное политическое, социально-экономическое и культурное значение, а также подводит знаковую черту в современной российской историографии. Рецензируемая докторская диссертация Ю.А. Яхутля обладает внутренним единством.

Диссертационная работа на тему «Трансформация взаимоотношений власти с казачеством и крестьянством в Советской России 1921–1929 гг. (на примере Кубани и Дона)» соответствует критериям «Положения о присуждении учёных степеней» (п.п. 9–11, 14), утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г., № 842 (ред. от 01.10.2018 г., с изм. от 26.05.2020 г.), а её автор, Яхутль Юрий Асланбиевич, заслуживает присуждения ему искомой учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв представлен в Диссертационный совет Д.212.101.03 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

4.12.2020 г.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук,
специальность 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки),
доктор философских наук, профессор; директор научно-исследовательского института истории казачества и развития казачьих регионов;
профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки»
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова»

Скорик Александр Павлович

Почтовый адрес: 346428, Ростовская область, г. Новочеркасск,
ул. Просвещения, 132. ЮРГПУ (НПИ).

Телефон (раб.): 8-(8639)-25-55-09, e-mail: s_a_p@mail.ru

Подпись профессора Скорика Александра Павловича заверяю:

Учёный секретарь
учёного совета ЮРГПУ (НПИ)

Холодкова Нина Николаевна

С. А. Яхутль
Скорик Александр Павлович
Скорик Ю.А. 07.12.2020.